

О.Н. Пряжникова

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО

Аннотация. В статье исследуются факторы влияния пандемии COVID-19 на гендерное неравенство. Выделены особенности эффекта пандемии и режима изоляции на положение женщин, включая проблемы сокращения доходов, потери занятости, роста объемов выполняемого неоплачиваемого труда и насилия в отношении женщин.

Анализ текущей ситуации свидетельствует о том, что гендерное неравенство усугубляется в условиях пандемии COVID-19. Кризис, вызванный коронавирусом, нивелировал прогресс в области достижения гендерного равенства, достигнутый в течении нескольких последних десятилетий. Влияние пандемии на увеличение гендерного разрыва в контексте экономических возможностей и получаемого дохода связано, прежде всего, с тем, что сектора экономики и виды работ, где занято больше женщин, в большей степени пострадали от мер изоляции и дистанцирования.

Заккрытие детских учебных учреждений в качестве меры противодействия распространению COVID-19 негативно повлияло на положение женщин в непропорционально большей степени, чем на мужчин. Они несут большую часть обязанностей по уходу за детьми и домашней работе. Как следствие, женщины чаще, чем мужчины, сталкиваются с ограничениями по выполнению своей оплачиваемой работы и потерей перспективы профессионального развития.

Существовавшие ранее проблемы гендерного насилия в сочетании с мерами изоляции и ограничения свободы передвижения в условиях пандемии привело к увеличению случаев домашнего насилия в отношении женщин.

Рассматриваются факторы, способные обеспечить формирование адекватной политики сокращения гендерного неравенства с целью повысить устойчивость социально-экономической среды в условиях как текущего, так и возможных будущих кризисов.

Ключевые слова: гендерное неравенство; гендерный разрыв; пандемия COVID-19; неоплачиваемая работа; удаленная работа; цифровая грамотность; насилие по отношению к женщинам.

**Пряжникова Ольга Николаевна – научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).
Россия, Москва.
E-mail: olga.priazhnikova@inion.ru
Web of Science Researcher ID: AAS-6065-2020**

Pryazhnikova O.N. The impact of the COVID-19 pandemic on gender inequality

Abstract. *This article examines the COVID-19 pandemic's influence on gender inequality. Specific challenges facing women during the pandemic and isolation regime are highlighted, including the problems of reduced income, job losses, increase in unpaid work performed by them and violence against women.*

Analysis of the current situation suggests that gender inequality is exacerbated during the COVID-19 pandemic. The coronavirus crisis has offset the progress in achieving gender equality made over the past several decades. The impact of the pandemic on widening the gender gap in terms of economic opportunities and income is primarily due to the fact that the sectors of economy and types of jobs where dominated by women are affected by isolation and distancing measures to a greater extent.

The closure of childcare facilities to prevent the spread of COVID-19 has disproportionately affected women rather than men. Women carry out most of the childcare and housework responsibilities. Consequently, women are more likely than men to face pressure at their paid work and loss of professional development prospects.

The issue of gender-based violence existing before the pandemic, coupled with isolation and movement restrictions, has led to an increase in domestic violence against women.

The article highlights a number of factors that can ensure the formation of an adequate policy to reduce gender inequality in order to increase stability of the socio-economic environment in the context of current crisis as well as possible future crises.

Keywords: *gender inequality; gender gap; COVID-19 pandemic; unpaid work; distant work; digital fluency; violence against women.*

**Pryazhnikova Olga Nikolaevna – Research Fellow,
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
Russia, Moscow.
E-mail: olga.priazhnikova@inion.ru
Web of Science Researcher ID: AAS-6065-2020**

Введение

Кризис, вызванный COVID-19 выявил ряд аспектов уязвимости социальной политики и экономических систем стран мира. Пандемия COVID-19 оказала влияние на рынок труда и трудовые практики. Часть занятых перешла на удаленную работу, часть потеряла работу, кто-то продолжил трудиться на традиционных рабочих местах, рискуя заразиться. Семьи столкнулись с закрытием детских и образовательных учреждений и необходимостью заботиться о детях в течение всего дня, а также организовать их обучение на дому.

При этом пандемия оказала в большей степени негативное воздействие на положение женщин, чем мужчин, и способствовала росту гендерного неравенства. В частности, пандемия усугубила ранее существовавшие гендерные разрывы – социально-экономические показатели, фиксирующие неблагоприятное положение женщин по сравнению с мужчинами.

Увеличение гендерного неравенства в течение 2020 г. подтверждает, рассчитываемый Всемирным экономическим форумом начиная с 2006 г., Индекс гендерного разрыва (Global gender gap index) – интегральный показатель равноправия полов. И хотя по сравнению с 2020 г. совокупный индекс гендерного разрыва увеличился всего на 0,6 п.п. (с 68% в 2020 г. до 68,6% в 2021 г.), прогнозируемый срок достижения гендерного равенства в среднем по странам мира, с учетом изменений за 2020 г., вырос значительно – с 95,5 до 135,6 лет [Global gender gap report 2020, p. 6; Global gender gap report 2021, p. 5].

Тот факт, что последствия пандемии оказывают асимметричное влияние на положение мужчин и женщин, выражается в том, что, с одной стороны, мужчины демонстрируют более высокую летальность при заболевании COVID-19 [From insights 2020, p. 4]. С другой стороны, женщины сталкиваются с большим социальным и экономическим давлением. Так, согласно расчетам экспертов Программы развития ООН (United Nations development programme (UNDP)), к началу 2021 г. около 435 млн женщин и девочек жили на менее 1,90 долл. в день, при этом 47 млн из них оказались на этом уровне бедности в результате COVID-19 [From insights 2020, p. 3]. Международная организация труда (МОТ) в 2020 г. зафиксировала значительное падение трудового дохода у женщин как в развитых, так и развивающихся странах, в частности в Перу, Бразилии, Вьетнаме, Италии и США [ILO Monitor 2021, p. 17].

Среди факторов, отрицательно влияющих на гендерное равенство в условиях пандемии, можно выделить повышенные риски заражения для женщин, занятых в медицине и сфере ухода; риски потери занятости; ухудшение положения матерей на рынке труда; ограниченные возможности перехода на дистанционный режим работы и проблему разрыва в цифровой грамотности между мужчинами и женщинами; увеличение времени, затрачиваемого женщинами на заботу о детях и выполнение домашних обязанностей; рост насилия в отношении женщин.

Риски заражения, связанные с занятостью в сфере здравоохранения

В условиях пандемии риски здоровью медицинских работников резко выросли. Специалисты МОТ указывают такие негативные факторы, отрицательно влияющие на качество занятости в сфере здравоохранения, как увеличение рабочих часов в отделениях реанимации; нехватка средств индивиду-

альной защиты; нехватка персонала, эмоциональный стресс, связанный с высокой смертностью пациентов в отделениях интенсивной терапии; рост риска заражения; изоляция от членов семьи с целью исключить их заражение. Последний фактор усугубляет стресс, особенно для матерей-одиночек [The COVID-19 response 2020, p. 3].

В среднем по странам мира женщины составляют 70% работников в секторе здравоохранения, долгосрочного ухода и социального обеспечения. Среди сотрудников, имеющих непосредственный регулярный контакт с пациентами (медицинские сестры, санитарки и акушерки), женщины насчитывают 85% занятых [Boniol at all 2019, p. 1]. В странах ОЭСР они составляют более 90% работников, оказывающих услуги по длительному уходу [Empowering women 2020, p. 2]. Статистические данные из Германии, Италии, Испании и США показывают, что подтвержденные случаи заражения COVID-19 среди медицинских работников женского пола в 2–3 раза выше, чем у их коллег-мужчин [From insights 2020, p. 4]. В результате, при пандемии женщины подвергаются значительным рискам заражения, получая при этом меньшую заработную плату. Гендерный разрыв в оплате труда в здравоохранении составляет 28%, что объясняется, в частности, тем, что большинство женщин заняты на менее квалифицированных, по сравнению с мужчинами, рабочих местах [Boniol at all 2019, p. 1].

Риски потери занятости

Опыт прошлых экономических кризисов свидетельствует о том, что экономический спад сказывается на занятости мужчин и женщин по-разному, а именно больше мужчин теряют рабочие места. Так, в результате финансового кризиса 2008 г. потеря рабочих мест была намного больше в секторах, где преобладали работники-мужчины (строительство и промышленное производство) [Women's work 2020, p. 7]. Однако в условиях текущего кризиса на долю женщин приходится 54% общих потерь рабочих мест, притом что, в целом, женщины составляют всего лишь 39% рабочей силы по всему миру. По оценкам Глобального института McKinsey (McKinsey Global institute), показатель среднемировой потери работы среди женщин из-за COVID-19 примерно в 1,8 раза выше, чем соответствующий показатель для мужчин [COVID-19 2020].

Эти эффекты объясняются тем, что текущий кризис связан, прежде всего, с мерами социального дистанцирования и изоляции, от которых страдает сектор услуг, а в первую очередь услуги, предполагающие личное взаимодействие между потребителями и провайдерами услуг, такие как розничная торговля, отельный бизнес (отрасль гостеприимства) и общественное питание, а также туризм.

Международная организация труда (МОТ) отнесла к отраслям экономики, которые наиболее страдают от локдауна и где происходит сокращение рабочих мест, отрасль гостеприимства, сектор недвижимости, административную деятельность, производство и торговлю. На начало 2020 г. по всему миру в этих секторах были заняты 527 млн женщин, что соответствует 41% от совокупной занятости женщин и выше аналогичного показателя для мужчин (35%) [The COVID-19 response 2020, p. 1]. Эксперты Глобального института McKinsey полагают, что риски потери рабочего места для женщин на 19% выше, чем для мужчин, потому что женщины как рабочая сила непропорционально больше представлены в секторах, на которые негативно повлиял кризис COVID-19. Женщины в среднем по странам мира занимают 54% рабочих мест в сфере гостеприимства и общественного питания, 43% рабочих мест в розничной и оптовой торговле и 46% – в услугах администрирования и сфере государственного управления [COVID-19 and 2020]. При этом некоторые отрасли производства, в которых мужчины составляют большинство занятых, также серьезно пострадали из-за сбоев в глобальных цепочках поставок, вызванных локдауном, а другие сектора, такие как образование и здравоохранение, где женщины составляют большинство, почти не коснулось сокращение рабочих мест.

Следует отметить, что для развивающихся стран / стран с низкими доходами характерен более высокий уровень гендерного неравенства. Здесь женщины в большинстве заняты на низкоквалифицированных рабочих местах, которые все чаще исчезают вследствие роботизации [Волкова 2020]. При этом вероятно ускорение темпов автоматизации низкоквалифицированного труда ввиду пандемии COVID-19 и необходимости соблюдения мер социального дистанцирования. В результате, в странах с низкими доходами будет сокращаться женская занятость и увеличиваться гендерный разрыв в доходах.

Ухудшение положения работающих женщин в развивающихся странах связано также с тем, что в бедных странах доля женщин, занятых в неформальном секторе, выше доли мужчин. Неформальную занятость имеют 92% работающих женщин в странах Африки южнее Сахары, 91 – в Южной Азии и 54% в странах Латинской Америки, против аналогичных показателей для мужчин в 86%, 87 и 52% в соответствующих регионах мира [Explainer 2020]. В условиях резкого падения экономической активности неформально занятые особенно уязвимы с точки зрения увольнений и потери / сокращения средств к существованию, так как их трудовые права никак не защищены. Уже в течение первого месяца пандемии работники неформального сектора во всем мире потеряли в среднем 60% своего дохода. При этом доходы неформально занятых в регионах, где большинство из них составляют женщины, сократились: на 81% в странах Африки к югу от Сахары и Латинской Америки и на 22% в странах Азиатско-Тихоокеанского региона [From insights 2020, p. 4].

В России влияние пандемии COVID-19 с точки зрения потери трудовых доходов, по предварительным оценкам, коснулось в большей степени мужчин, чем женщин [Гимпельсон, Капелюшников 2020]. По данным опросов о проблемах с трудоустройством, проведенных в мае 2020 г., о значительном ухудшении материального положения сообщили 59% опрошенных мужчин и лишь 50% женщин [Гимпельсон, Капелюшников 2020]. На момент начала пандемии на рабочих местах, дающих возможность удаленной работы (финансовые услуги, научная деятельность, администрирование, услуги онлайн-образования и т.д.) и рабочих местах в бюджетных учреждениях, где занятость сохранилась на прежнем уровне, работали около 49% всех занятых на российском рынке труда женщин и 40% мужчин. Это предполагает более высокий риск потери работы и сокращения доходов для российских мужчин по сравнению с женщинами.

Что касается динамики занятости женщин, то, по итогам 2020 г., в России доля женщин среди безработных выросла с 47,5% в январе 2019 г. до 49,9% в январе 2021 г., сократившись к марту 2021 г. до 48,9%. Согласно данным Росстата, уровень безработицы среди женщин трудоспособного возраста колебался в течении 2020 г. Так, в мае по сравнению с апрелем 2020 г. он вырос с 5,4% до 6,1% в апреле, а среди мужчин уровень безработицы за тот же период немного снизился – с 6,1% до 6%. В октябре 2020 г. уровень безработицы женщин составил 6,4% и превышал аналогичный показатель для мужчин (6,1%) на 0,3%. Таким образом, уровень безработицы среди женщин на протяжении значительной части 2021 г. превышал уровень безработицы среди мужчин, что в большой степени связано с сокращением занятости в условиях пандемии в секторе услуг [Занятость и безработица 2021].

В начале 2021 г. по мере восстановления допандемийного уровня экономической активности уровни безработицы мужчин и женщин в России начали сравниться. Если в феврале 2021 г. соответствующий показатель для женщин (5,8%) превышал уровень безработицы среди мужчин (5,5%), то в марте 2021 г. они сравнялись, составив 5,4% безработных среди трудоспособного населения обоих полов [Занятость и безработица 2021].

Нужно отметить неоднозначность эффектов пандемии COVID-19 на состояние занятости женщин. С одной стороны, женщины-работницы преобладают в секторах экономики, испытывающих спад активности из-за мер дистанцирования и / или изоляции, что способствует сокращению их занятости в периоды роста числа заражений и ужесточения локдауна. С другой стороны, женщины чаще, чем мужчины, трудятся в сфере, где занятость сохраняется (здравоохранение и образование) и / или их работа может осуществляться в дистанционном режиме. Возможность работать удаленно способствует сохранению уровня занятости женщин и сглаживает гендерное неравенство на рынке труда. Однако доступность для женщин формата

удаленной работы в большей степени характерна лишь для стран, где уровень развития человеческого капитала и, соответственно, уровень образования женщин относительно высок, а разрыв в цифровой грамотности между полами минимален.

Дистанционная работа и проблема разрыва в цифровой грамотности

Ключевым фактором, который дает шанс сохранить занятость в условиях вынужденной изоляции, является возможность работать из дома, т.е. в большинстве случаев работать онлайн. Способность адаптации к удаленной работе определяется наличием у работника навыков владения цифровыми средствами коммуникации и другими соответствующими инструментами. По некоторым оценкам в развитых странах ОЭСР, трудовая деятельность женщин с большей вероятностью, по сравнению с мужчинами, носит характер, позволяющий осуществлять ее дистанционно. Так, например, в Великобритании возможность осуществлять свою работу дистанционно варьируется в зависимости от пола работника: 48% женщин могут осуществлять свою трудовую деятельность, работая дома, а среди мужчин доля таких работников составляет только 39% [Нуркау, Petrongolo 2020, p. 13]. По данным LinkedIn, женщины на 26% чаще, чем мужчины, ищут удаленную работу, так как рассматривают ее как возможность улучшить баланс между работой и личной жизнью, в том числе заботой о детях [Kimborough 2021].

В России, по данным опросов, на конец 2020 г. дистанционно работали 12% и частично дистанционно – 11,6% всех занятых. На постоянной основе удаленно трудились больше мужчин (14,7%) по сравнению с женщинами (9,1%). При этом частичная удаленная занятость больше распространена среди женщин (13,7%), чем среди мужчин (9,4%) [Ляшок 2021, с. 24]. На дистанционный режим работы перешли женщины, занятые, прежде всего, в таких сферах, как образование, культура и спорт, консалтинг (финансы, аудит, юриспруденция). Женщины, имеющие семью (мужа / партнера и ребенка), в 2,5 раза чаще начинали работать удаленно, чем женщины в семьях без детей. При этом чем моложе женщина, тем легче ей было начать работать в дистанционном режиме [Калабихина, Ребрей 2020, с. 73]. Последний факт может быть объяснен наличием разрыва в цифровой грамотности между представителями разных поколений.

В среднем по миру в 2019 г. Интернетом пользовались только 48% женщин по сравнению с 58% мужчин [Empowering women 2020, p. 7]. Этот факт демонстрирует наличие гендерного разрыва в цифровой грамотности. Базовыми причинами наличия такого разрыва является отсутствие у значительного числа женщин доступа к цифровым технологиям и цифровым средствам

коммуникации, а также недостаточный уровень цифровой грамотности и гарантий безопасности при использовании Интернетом [Empowering women 2020, p. 7]. Освоению женщинами онлайн-инструментов цифровой коммуникации, а также получению качественного образования, препятствуют такие факторы, как нехватка времени из-за выполнения неоплачиваемой работы по дому и уходу за членами семьи, предубеждения и социокультурные нормы, распространенные в ряде стран мира.

Вместе с тем цифровая грамотность признана значимым фактором, сокращающим гендерный разрыв на рынке труда. По прогнозам, при текущих темпах повышения цифровой грамотности у женщин, развитые страны, смогут достичь гендерного равенства в данной сфере к 2065 г., а развивающиеся страны только к 2100 г. [Getting to equal 2016]. Таким образом, существующий на глобальном уровне гендерный цифровой разрыв обуславливает возросшую в условиях пандемии Covid-19 угрозу потери работы женщинами, главным образом в развивающихся странах, из-за невозможности работать дистанционно, используя цифровые технологии.

Рост объема неоплачиваемого труда

Один из ключевых факторов, негативно влияющих на гендерное равенство, заключается в том, что меры сдерживания пандемии COVID-19 значительно увеличивают бремя неоплачиваемого труда, связанного с работой по дому и уходом за членами семьи, которое в непропорционально большей степени ложится на женщин. Закрытие школ и изоляция членов домохозяйств по всему миру привели к тому, что работа по уходу за детьми переместилась из области оплачиваемого труда (школы, детские сады, няни) в область неоплачиваемого труда, выполняемого внутри семей.

По данным ЮНЕСКО, в 2020 г. 1,37 млрд, или 72,4% учащихся в 177 странах столкнулись с закрытием учебных заведений [1.37 billion students 2020]. При этом сократилась и традиционная неформальная помощь по уходу за детьми со стороны бабушек и дедушек, которые, по причине повышенного риска заражения и осложнений из-за COVID-19, были вынуждены ограничить свои контакты, в том числе с другими членами семьи.

Анализ времени, затрачиваемого на уход за детьми, показывает, что в среднем матери тратят на него на 25% больше времени, чем отцы [The gendered division 2020, p. 123]. По данным МОТ, до кризиса женщины в странах ОЭСР в среднем тратили на два часа в день больше времени на неоплачиваемую работу по уходу за членами семьи, чем мужчины. В целом неоплачиваемая работа по уходу за членами семьи, выполняемая женщинами, составляет эквивалент 9% мирового ВВП [The COVID-19 response 2020, p. 2].

В европейских странах пандемия способствует дальнейшему увеличению нагрузки на женщин, связанной с домашними обязанностями [Women's work 2020]. Женщины стали уделять больше времени работе по дому и уходу за детьми. Анализ изменений затрат времени на работу внутри домохозяйств в Италии и Испании показал, что в обеих странах женщины берут на себя большую часть заботы о детях [Women's work 2020; How the COVID-19 2020].

Исследования, проведенные в России [Калабихина, Ребрей 2020], свидетельствуют о том, что гендерный разрыв в количестве времени, затрачиваемого на работу по дому, в условиях пандемии также вырос. Среди участников опросов примерно 50% женщин и только 10% мужчин указали на увеличение времени на приготовление еды; 38% женщин и 11% мужчин – на уборку жилища; 32% женщин и 17% мужчин – на уход за детьми. Переход на режим удаленной работы также повлиял на распределение времени на решение бытовых проблем внутри российских семей. Работая из дома, женщины начали тратить на работу по дому больше времени. При этом, перейдя на дистанционный трудовой режим мужчины сокращали свое время на выполнение домашних дел [Калабихина, Ребрей 2020, с. 70–71].

Рост объема неоплачиваемой работы, выполняемой женщинами в условиях пандемии, ограничивает возможности женщин сохранить занятость на оплачиваемых рабочих местах и усложняет выполнение ими удаленной работы (при ее наличии). Исследование изменения положения женщин на рабочем месте в условиях пандемии, проведенное в 2020 г. консалтинговой компанией Deloitte в Австралии, Бразилии, Канаде, Китае, Франции, Индии, Японии, Великобритании и США, выявило, что 40% работающих женщин заявляют о возникших трудностях в достижении баланса между работой и выполнением повседневных (семейных) обязанностей, а также об ухудшении их физического и психического состояния [Understanding 2020, p. 5].

В целом, почти 1/3 работающих в ЕС женщин (против 1/6 мужчин) испытывали в период изоляции трудности в совмещении оплачиваемой работы и возросших объемов работы по дому [Women and labour 2020, p. 17]. По данным LinkedIn, в Великобритании в качестве основных причин ухода с рынка труда в условиях локдауна женщины называют рост стресса (57%), невозможность эффективного сочетания выполнения домашних обязанностей и работы (33%) и необходимость посвящать больше времени заботе о детях (14%) [Kimborough 2021].

Таким образом, в условиях пандемии стала очевидна необходимость выработки и оформления, как в сфере трудового права, так и на уровне организационных стратегий компаний, новых подходов к организации рабочего времени в случаях непредвиденных обстоятельств. Очевидно, что одним из факторов поддержания на рынке труда гендерного равенства, должно стать расширение возможностей женщин использовать гибкий рабочий график, в

том числе в сочетании с режимом удаленной работы, так как именно гибкая организация рабочего времени позволяет женщинам улучшить баланс оплачиваемой и неоплачиваемой работы [Women and labour 2020].

Положение матерей в условиях пандемии

Важным фактором, углубляющим гендерное неравенство на рынке труда, также является уязвимое положение матерей в полных семьях и матерей-одиночек в системе трудовых отношений. Часто они работают неполный рабочий день. Как следствие их труд оплачивается ниже [Empowering women 2020].

Еще до кризиса, вызванного пандемией COVID-19, в странах ОЭСР уровень бедности семей с одним родителем (большинство из которых составляют женщины) был в среднем в 3 раза выше, чем семей с двумя и более взрослыми [Empowering women 2020, p. 3]. Матери-одиночки, занятые на рабочих местах в неформальном секторе экономики, сталкиваются с ограничением доступа к социальным пособиям и отсутствием гарантий сохранения занятости, а также имеют меньше возможностей для профессионального обучения и повторного трудоустройства. Все эти факторы, а также невозможность осуществлять трудовую деятельность из-за закрытия школ и учреждений по уходу за детьми в условиях пандемии, подвергают матерей-одиночек большому риску потерять работу.

Так, в России в первые месяцы пандемии количество обращений в службы социальной поддержки семей, состоящих из женщин с детьми, которые остались без жилья из-за потери работы по причине введения мер изоляции, увеличилось на 40%. Обращения касались, прежде всего, невозможности оплачивать аренду жилья [Сироткин, Демурина 2020].

Исследование, проведенное в Великобритании [Andrew et al 2020], показало, что среди работающих родителей, вероятность для матерей потерять оплачиваемое рабочее место на 9 п.п. больше, чем для отцов. Так, с началом пандемии в Великобритании 16% матерей перестали выполнять оплачиваемую работу из-за того, что были уволены или были вынуждены уволиться сами в связи с необходимостью присмотра за детьми в условиях закрытия детских образовательных учреждений. Этот показатель выше для матерей по сравнению с 11% оказавшихся в такой же ситуации отцов [Andrew et al 2020, p. 118].

Таким образом, в результате процессов адаптации рынка труда к новым условиям и возникновения необходимости у матерей тратить больше времени на заботу о детях риск потери работы по причине сокращения штатов или увольнения из-за невозможности поддерживать на прежнем уровне производительность труда вырос для работающих матерей и превышает аналогичные риски для работающих отцов.

Рост насилия в отношении женщин

Опыт разных стран свидетельствует о том, что введение мер социального дистанцирования и режима изоляции способствовало росту насилия в отношении женщин. В конце апреля 2020 г. Фонд ООН в области народонаселения (UN Population fund (UNFPA)) предсказал прирост жестокого обращения с женщинами на 15 млн случаев за три месяца изоляции [Empowering women 2020, p. 4]. Так, в условиях карантина в Австралии, уровень домашнего насилия увеличился на 5%. В Китае число случаев домашнего насилия выросло в 3 раза. В США сообщалось о росте домашнего насилия в диапазоне 21–35% в зависимости от штата [Mittal, Singh 2020, p. 3]. Великобритания также столкнулась с проблемами роста насилия в семье: на фоне локдауна с 23 марта по 12 апреля 2020 г. в стране от рук «домашних преступников» погибли 16 женщин, что почти втрое больше, чем соответствующий средний показатель за тот же период в предыдущие десять лет [Grierson 2020]. В Германии во время строгой изоляции в апреле и мае 2020 г. около 3% женщин подверглись избиениям или другим формам физического насилия со стороны партнера [Steinert, Ebert 2020]. По данным ООН, в первые недели локдауна число экстренных обращений за помощью женщин, подвергшихся домашнему насилию, возросло в Аргентине на 25%, во Франции и на Кипре – на 30, в Сингапуре на 33% [Explainer 2020].

В России в марте 2020 г. по сравнению с предыдущим месяцем также был зафиксирован рост на 24% числа обращений на всероссийский телефон доверия для женщин, в московский кризисный центр «Китеж» – на 15, в аналогичные службы Красноярского края – на 19%, в вологодском кризисном центре количество сообщений о насилии увеличилось в 3 раза [Сироткин, Демурина 2020].

В условиях изоляции злоумышленники и насильники получают большую свободу контролировать действия своих жертв, ограничивая их доступ к телефону, Интернету и другим средствам коммуникации. В результате пострадавшие не могут получить помощь из-за боязни быть обнаруженными обидчиками, и случаи насилия внутри домохозяйств растут. Согласно данным индийской неправительственной организации Jagogi (Дели), несмотря на регистрируемый в Индии рост случаев насилия над женщинами, в условиях строгой изоляции наблюдалось снижение количества звонков на телефон доверия на 50% [Mittal, Singh 2020, p. 4].

В ряде стран мира данная проблема усугубляется тем, что женщины имеют в среднем более низкий уровень доходов по сравнению с мужчинами. Это сокращает их возможности уйти из семьи и жить самостоятельно в ситуации, когда они становятся жертвами агрессивного поведения внутри домохозяйства, так как они лишаются средств к существованию. В такой ситуа-

ции особое внимание следует уделить укреплению социальной инфраструктуры поддержки жертв насилия и предотвращению жестокого обращения, а именно обеспечению разделения членов семей и предоставления убежища пострадавшим.

Заключение

В условиях, когда мировое сообщество и мировая экономика адаптируется к текущей ситуации, обусловленной пандемией COVID-19, рост значимости исследований влияния новых факторов на гендерное неравенство и анализ возможных последствий динамики гендерного разрыва может способствовать формированию более эффективной социально-экономической политики в данной сфере. Меры по сокращению гендерного неравенства позитивно влияют как на экономическую, так и на социальную жизнь женщин, а также на экономический рост в более широком смысле.

В связи с этим требуется более глубокий анализ и совершенствование инструментов оценки воздействия тех или иных кризисных ситуаций на занятость, принимая во внимание то, как гендер «пересекается» с разнообразными факторами уязвимости на рынке труда (например, способностью оставаться в составе рабочей силы и заниматься неоплачиваемой работой по дому и / или уходу за членами семьи). Это необходимо для формирования на рынке труда условий, позволяющих поддерживать занятость уязвимых категорий рабочей силы в кризисных ситуациях. Углубленные исследования гендерной структуры рабочей силы разных секторов экономики, характеристик работников, обусловленных их гендерной принадлежностью, гендерной профессиональной и отраслевой сегрегации могут способствовать лучшему пониманию прямых и косвенных гендерных последствий кризиса COVID-19 для занятости, а также выработке мер политики по улучшению позиции женщин на рынке труда.

Во многих странах мира в связи с кризисом, вызванным пандемией, применялись разнообразные меры социальной защиты [Country policy], которые были главным образом направлены на поддержку уязвимых секторов экономики, предоставление компенсации при потере трудовых доходов, а также денежных выплат семьям с детьми. При этом при оказании социальной помощи зачастую как отдельный фактор не учитываются потребности и права женщин. В сложившейся социально-экономической ситуации назрела потребность в создании действующих на постоянной основе инструментов сбора и анализа данных, которые бы отражали реальную меняющуюся под воздействием разнообразных обстоятельств картину положения женщин и формировали основу для выработки целевых мер, сглаживающих гендерное неравенство.

В кризисной ситуации для определения и реализации в краткосрочном периоде первоочередных мер поддержки гендерного равенства в условиях снижения или потери доходов участниками рынка труда особую важность приобретает возможность получения аналитиками и регулирующими органами в реальном времени статистических данных с разбивкой по полу, связанных не только с потерей работниками рабочих мест, но и с изменением статуса при переходе на специальные схемы (режимы работы). Это делает актуальным включение большего диапазона гендерных показателей в соответствующие опросы и исследования, в том числе для выявления воздействия COVID-19 на положение женщин.

При этом в рамках долгосрочной политики сокращения гендерного неравенства приоритетными целями остаются создание условий для расширения возможностей женщин и девочек в получении образования и современных трудовых навыков, равенства на рабочем месте с учетом особых условий для работниц, имеющих детей, а также формирование и укрепление инфраструктуры поддержки женщин, не имеющих возможности воспользоваться формальной социальной помощью и жертв домашнего насилия.

Библиография

Волкова О. Почему женщины продолжают зарабатывать меньше мужчин // Эконс. Экономический разговор. 2020. 9 сент. URL: <https://econs.online/articles/nauchnaya-povestka/pochemu-zhenshchiny-prodolzhayut-zarabatyvat-mensh/> (дата обращения: 15.06.2021).

Гимпельсон В., Капелюшников Р. Карантинная экономика и рынок труда // Эконс. Экономический разговор. 2020. 2 июнь. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/karantinnaya-ekonomika-i-gynok-truda/> (дата обращения: 15.06.2021).

Занятость и безработица в Российской Федерации в марте 2021 года // Федеральная служба государственной статистики. 2021. URL: https://gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/77.htm (дата обращения: 15.06.2021).

Калабахина И.Е., Ребрей С.М. Домашний труд во время пандемии: Опыт России // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 65–77.

Ляшок В.Ю. Российский рынок труда: Время адаптации // Мониторинг экономической ситуации в России: Тенденции и вызовы социально-экономического развития. Москва, 2021. № 1 (133). С. 23–26.

Сироткин К., Демурина Г. Депутаты предложили срочные меры борьбы с домашним насилием на изоляции // РБК. 2020. 22 апр. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/04/2020/5e9f0a669a79478af08dfa86> (дата обращения: 15.06.2021).

Andrew A., Cattani S., Costa Dias M., Farquharson C., Kraftman L., Krutikova S., Phimister A., Sevilla A. The gendered division of paid and domestic work under lockdown // Covid economics. 2020. N 39. P. 62–85. URL: <C:\Users\User\Downloads\SSRN-id3654937.pdf>

Bisello M., Maftai A., Mascherini M. Women and labour market equality: Has COVID-19 rolled back recent gains? / Eurofound. Luxembourg, 2020. 22 p. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef20068en.pdf (дата обращения: 18.09.2021).

Boniol M., McIsaac M., Lihui Xu, Wuliji T., Diallo Kh., Campbell J. Gender equity in the health workforce: Analysis of 104 countries // WHO. Geneva, 2019. 5 p. (WHO; Health Workforce

working paper N 1). URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/311314/WHO-HIS-HWF-Gender-WP1-2019.1-eng.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 18.09.2021).

Country policy responses // ILO. URL: <https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/regional-country/country-responses/lang--en/index.htm#UN> (дата обращения: 15.06.2021).

Del Boca D., Oggero N., Profeta P., Rossi M.C. Women's work, housework and childcare, before and during COVID-19 // Covid economics. 2020. N 28. P. 70–90. URL: <https://docs.iza.org/dp13409.pdf> (дата обращения: 18.09.2021).

Empowering women as drivers of the Covid-19 recovery // OECD, Public governance directorate, Public governance committee. 2020. 10 p. URL: [https://www.oecd.org/mcm/GOV-PGC-GMG\(2020\)3-FINAL.en.pdf](https://www.oecd.org/mcm/GOV-PGC-GMG(2020)3-FINAL.en.pdf) (дата обращения: 15.06.2021).

Explainer: how COVID-19 impacts women and girls / UN Women. 2020. URL: https://interactive.unwomen.org/multimedia/explainer/covid19/en/index.html?gclid=EAIaIqobChMI2-ukmuq-7gIViN4YCh3b8AYrEAAAYAAAEgIvMfd_BwE (дата обращения: 18.09.2021).

From insights to action: Gender equality in the wake of COVID-19 / UN Women. New York, 2020. 14 p. URL: <https://eca.unwomen.org/en/digital-library/publications/2020/09/gender-equality-in-the-wake-of-covid-19> (дата обращения: 18.09.2021).

Getting to equal: How digital is helping close the gender gap at work / Accenture. 2016. 13 p. URL: <https://www.empowerwomen.org/en/resources/documents/2016/12/getting-equal--how-digital-is-helping-close-the-gender-gap-at-work?lang=en> (дата обращения: 15.06.2021).

Global gender gap report 2020. Geneva: WEF, 2020. 370 p.

Global gender gap report 2021. Geneva: WEF, 2021. 404 p.

Grierson J. Domestic abuse killings 'more than double' amid Covid-19 lockdown // The Guardian. 2020. 15 Apr. URL: <https://www.theguardian.com/society/2020/apr/15/domestic-abuse-killings-more-than-double-amid-covid-19-lockdown> (дата обращения: 15.06.2021).

ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Seventh edition // ILO. 2021. 25 Jan. 35 p. URL: https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/impacts-and-responses/WCMS_767028/lang--en/index.htm (дата обращения: 18.09.2021).

Farré L., Fawaz Y., González L., Graves J. How the COVID-19 lockdown affected gender inequality in paid and unpaid work in Spain // IZA Institute of labor economics. Bonn, 2020. 36RTF p. (IZA; Discussion paper series; Discussion paper N 13762). URL: <C:\Users\User\Downloads\SSRN-id3643198.pdf> (дата обращения: 18.09.2021).

Hupkau C., Petrongolo B. Work, care and gender during the COVID-19 crisis / IZA Institute of labor economics. Bonn, 2020. 30 p. (IZA; Discussion paper series; Discussion paper N 13434). URL: <https://docs.iza.org/dp13762.pdf> (дата обращения: 18.09.2021).

Kimbrough K. 3 ways to build gender equality in the workplace post-pandemic// WEF. 2021. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2021/03/covid-19-has-hurt-women-s-careers-here-are-3-ways-to-reverse-the-damage/> (дата обращения: 15.03.2021).

Madgavkar A., White O., Krishnan M., Mahajan D., Azcue X. COVID-19 and gender equality: Countering the regressive effects // McKinsey global institute. 2020. 15 Jul. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/covid-19-and-gender-equality-countering-the-regressive-effects> (дата обращения: 15.06.2021).

Mittal Sh., Singh T. Gender-based violence during Covid-19 pandemic: A mini-review // Frontiers in global women's health. 2020. 7 p. URL: <https://www.readcube.com/articles/10.3389/fghw.2020.00004> (дата обращения: 15.03.2021).

1.37 billion students now home as COVID-19 school closures expand, ministers scale up multimedia approaches to ensure learning continuity // UNESCO. 2020. 24 Mar. URL: <https://en.unesco.org/news/137-billion-students-now-home-covid-19-school-closures-expand-ministers-scale-multimedia> (дата обращения: 15.06.2021).

Steinert J., Ebert C. Gewalt an Frauen und Kindern in Deutschland während COVID-19-bedingten Ausgangsbeschränkungen: Zusammenfassung der Ergebnisse // Global Health at the Technical University of Munich (TUM). 2020. 5 p. URL: https://www.gesine-intervention.de/wp-content/uploads/Zusammenfassung-der-Studienergebnisse_6_2020.pdf (дата обращения: 15.03.2021).

The COVID-19 response: Getting gender equality right for a better future for women at work. Policy brief / ILO. Geneva, 2020. 11 p. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---gender/documents/publication/wcms_744685.pdf (дата обращения: 15.03.2021).

Understanding the pandemic's impact on working women / Deloitte. 2020. 12 p. URL: <https://www2.deloitte.com/ch/en/pages/about-deloitte/articles/understanding-the-pandemics-impact-on-working-women.html> (дата обращения: 18.09.2021).

References

Andrew A., Cattani S., Costa Dias M., Farquharson C., Kraftman L., Krutikova S., Phimister A., Sevilla A. The gendered division of paid and domestic work under lockdown // Covid economics. 2020. N 39. P. 62–85. URL: <C:\Users\User\Downloads\SSRN-id3654937.pdf> (date of access: 15.03.2021).

Bisello M., Maftai A., Mascherini M. Women and labour market equality: Has COVID-19 rolled back recent gains? / Eurofound. Luxembourg, 2020. 22 p. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef20068en.pdf (date of access: 18.09.2021).

Boniol M., McIsaac M., Lihui Xu, Wuliji T., Diallo Kh., Campbell J. Gender equity in the health workforce: Analysis of 104 countries // WHO. Geneva, 2019. 5 p. (WHO; Health Workforce working paper N 1). URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/311314/WHO-HIS-HWF-Gender-WP1-2019.1-eng.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (date of access: 18.09.2021).

Del Boca D., Oggero N., Profeta P., Rossi M.C. Women's work, housework and childcare, before and during COVID-19 // Covid economics. 2020. N 28. P. 70–90. URL: <https://docs.iza.org/dp13409.pdf> (date of access: 18.09.2021).

Country policy responses // ILO. URL: <https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/regional-country/country-responses/lang--en/index.htm#UN> (date of access: 15.06.2021).

Empowering women as drivers of the Covid-19 recovery // OECD, Public governance directorate, Public governance committee. 2020. 10 p. URL: [https://www.oecd.org/mcm/GOV-PGC-GMG\(2020\)3-FINAL.en.pdf](https://www.oecd.org/mcm/GOV-PGC-GMG(2020)3-FINAL.en.pdf) (date of access: 15.06.2021).

Explainer: how COVID-19 impacts women and girls / UN Women. 2020. URL: https://interactive.unwomen.org/multimedia/explainer/covid19/en/index.html?gclid=EAIaIQobChMI2-ukmuq-7gIViN4YCh3b8AYrEAAAYAiAAEgIvMfD_BwE (date of access: 18.09.2021).

Farré L., Fawaz Y., González L., Graves J. How the COVID-19 lockdown affected gender inequality in paid and unpaid work in Spain // IZA Institute of labor economics. Bonn, 2020. 36RTF p. (IZA; Discussion paper series; Discussion paper N 13762). URL: <C:\Users\User\Downloads\SSRN-id3643198.pdf> (date of access: 18.09.2021).

From insights to action: Gender equality in the wake of COVID-19 / UN Women. New York, 2020. 14 p. URL: <https://eca.unwomen.org/en/digital-library/publications/2020/09/gender-equality-in-the-wake-of-covid-19> (date of access: 18.09.2021).

Getting to equal: How digital is helping close the gender gap at work / Accenture. 2016. 13 p. URL: <https://www.empowerwomen.org/en/resources/documents/2016/12/getting-equal--how-digital-is-helping-close-the-gender-gap-at-work?lang=en> (date of access: 15.06.2021).

Gimpel'son V., Kapelyushnikov R. Karantinnaya e'konomika i ry`nok truda [Quarantine economy and labor market] // E'kons. E'konomicheskij razgovor [Economics. Economic conversation].

2020. 2 Iyun'. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/karantinnaya-ekonomika-i-rynok-truda/> (date of access: 15.06.2021).

Global gender gap report 2020. Geneva: WEF, 2020. 370 p.

Global gender gap report 2021. Geneva: WEF, 2021. 404 p.

Grierson J. Domestic abuse killings 'more than double' amid Covid-19 lockdown // The Guardian. 2020. 15 Apr. URL: <https://www.theguardian.com/society/2020/apr/15/domestic-abuse-killings-more-than-double-amid-covid-19-lockdown> (date of access: 15.06.2021).

ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Seventh edition // ILO. 2021. 25 Jan. 35 p. URL: https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/impacts-and-responses/WCMS_767028/lang-en/index.htm (date of access: 18.09.2021).

Hupkau C., Petrongolo B. Work, care and gender during the COVID-19 crisis / IZA Institute of labor economics. Bonn, 2020. 30 p. (IZA; Discussion paper series; Discussion paper N 13434). URL: <https://docs.iza.org/dp13762.pdf> (date of access: 18.09.2021).

Kalabixina I.E., Rebrej S.M. Domashnij trud vo vremya pandemii: Opyt Rossii [Domestic work during a pandemic: Russian experience] // Zhenshhina v rossijskom obshhestve [Woman in Russian society]. 2020. N 3. S. 65–77.

Kimbrough K. 3 ways to build gender equality in the workplace post-pandemic// WEF. 2021. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2021/03/covid-19-has-hurt-women-s-careers-here-are-3-ways-to-reverse-the-damage/> (date of access: 15.03.2021).

Lyashok V.Yu. Rossijskij ry`nok truda: Vremya adaptacii [Russian labor market: Adaptation time] // Monitoring e`konomicheskoi situacii v Rossii: Tendencii i vy`zovy` social`no-e`konomicheskogo razvitiya [Monitoring of the economic situation in Russia: Trends and challenges of socio-economic development]. Moskva, 2021. N 1 (133). S. 23–26.

Madgavkar A., White O., Krishnan M., Mahajan D., Azcue X. COVID-19 and gender equality: Countering the regressive effects // McKinsey global institute. 2020. 15 Jul. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/covid-19-and-gender-equality-countering-the-regressive-effects> (date of access: 15.06.2021).

Mittal Sh., Singh T. Gender-based violence during Covid-19 pandemic: A mini-review // Frontiers in global women's health. 2020. 7 p. URL: <https://www.readcube.com/articles/10.3389/fgwh.2020.00004> (date of access: 15.03.2021).

1.37 billion students now home as COVID-19 school closures expand, ministers scale up multimedia approaches to ensure learning continuity // UNESCO. 2020. 24 Mar. URL: <https://en.unesco.org/news/137-billion-students-now-home-covid-19-school-closures-expand-ministers-scale-multimedia> (date of access: 15.06.2021).

Sirotkin K., Demurina G. Deputaty` predlozhili strochny`e mery` bor`by` s domashnim nasiliem na izolyacii [Deputies proposed urgent measures to combat domestic violence in isolation] // RBK. 2020. 22 Apr. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/04/2020/5e9f0a669a79478af08dfa86> (date of access: 15.06.2021).

Steinert J., Ebert C. Gewalt an frauen und kindern in Deutschland während COVID-19-bedingten ausgangsbeschränkungen: Zusammenfassung der ergebnisse // Global health at the technical university of Munich (TUM). 2020. 5 p. URL: https://www.gesine-intervention.de/wp-content/uploads/Zusammenfassung-der-Studienergebnisse_6_2020.pdf (date of access: 15.03.2021).

The COVID-19 response: Getting gender equality right for a better future for women at work. Policy brief / ILO. Geneva, 2020. 11 p. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---gender/documents/publication/wcms_744685.pdf (date of access: 15.03.2021).

Understanding the pandemic's impact on working women / Deloitte. 2020. 12 p. URL: <https://www2.deloitte.com/ch/en/pages/about-deloitte/articles/understanding-the-pandemics-impact-on-working-women.html> (date of access: 18.09.2021).

Volkova O. Pochemu zhenshiny` prodolzhayut zarabaty`vat` men`she muzhchin [Why women continue to earn less than men] // E`kons. E`konomicheskij razgovor [Economics. Economic conversation]. 2020. 9 Sent. URL: <https://econs.online/articles/nauchnaya-povestka/pochemu-zhenshchiny-prodolzhayut-zarabatyvat-mensh/> (date of access: 15.06.2021).

Zanyatost` i bezroboticza v Rossijskoj Federacii v marte 2021 goda [Employment and unemployment in the Russian Federation in March 2021] // Federal`naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Federal State Statistics Service]. 2021. URL: https://gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/77.htm (date of access: 15.06.2021).